

герман ЛОПАТИН: УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДРУГ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

HERMAN LOPATIN: AWESOME FRIEND OF GREAT PEOPLE

V. Chuvashева

Summary: German Alexandrovich Lopatin was a legendary figure in the circles of socialists of the second half of the XIX century. A friend of Karl Marx and Ivan Turgenev, an adventurer and "knight of the revolution", a person of outstanding abilities and the first translator of "Capital" - all this was combined in one person, whose name is now known to few. The life of Herman Alexandrovich can be divided into two key stages: the first stage - a period of activity, hard work, revolutionary struggle and adventure, the second stage - oblivion within the walls of Shlisselburg. The article describes the life path of G.A. Lopatin, compiled on the basis of his autobiography, correspondence, interrogation protocols and memoirs of contemporaries.

Keywords: German Alexandrovich Lopatin, narodnichestvo, Russian Marxism.

Чувашева Виктория Владимировна

Аспирант, Московский городской педагогический университет
vchuvashева1985@yandex.ru

Аннотация: Герман Александрович Лопатин был легендарной фигурой в кругах социалистов второй половины XIX века. Друг Карла Маркса и Ивана Тургенева, авантюрист и «рыцарь революции», персоне выдающихся способностей и первый переводчик «Капитала» - все это сочеталось в одном человеке, имя которого сегодня известно немногим. Жизненный путь Германа Александровича можно разделить на два ключевых этапа: первый этап - период деятельности, напряженной работы, революционной борьбы и приключений, второй же этап - забвение в стенах Шлиссельбурга.

В статье описан жизненный путь Г.А. Лопатина, составленный на основании его автобиографии, переписок, протоколов допросов и воспоминаний современников.

Ключевые слова: Герман Александрович Лопатин, народничество, русский марксизм.

В самом центре Ставрополя, в Театральном сквере установлен величественный памятник Г.А. Лопатину. Молодое, красивое и волевое лицо вряд ли покажется знакомым нынешнему обывателю, но для современников он был живой легендой. Его называли «русским другом Маркса», он был завсегдатаем в доме Фридриха Энгельса, Тургенев называл его «рыцарем духа», а Гиляровский посвящал ему свои статьи. Человек неординарных способностей и удивительной судьбы, первую половину жизни он посвятил борьбе за свободу народа, а вторую провел в одиночном заключении. Но обо всем по порядку.

Герман Лопатин родился 13 января 1845 года в Нижнем Новгороде в дворянской семье, его отец был действительным статским советником и занимал пост председателя Ставропольской казенной палаты. Можно сказать, что Александр Лопатин принадлежал к тому узкому кругу людей, кто олицетворял собой политику власти и притворял ее в жизнь.

Ранние годы Герман Лопатин провел в Ставрополе, где окончил Ставропольскую мужскую гимназию с золотой медалью и с легкостью поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Оказавшись в центре студенческой жизни страны, Лопатин, однако, не увлекся революционными настроениями, бурно наполнившими молодежную среду, а посвятил себя учебе. Он изучал экономику, иностранные языки, статистику и во всех начинаниях ему сопутствовал успех

и признание.

Впервые Герман Лопатин ощутил на себе строгость государственной политики в 1866 году, когда был привлечен по Каракозовскому делу, но, проведя в заключении около двух месяцев, как и десятки таких же студентов, был отпущен из-за отсутствия состава преступления. Лопатин действительно не принимал участие в деятельности каракозовцев, хотя был знаком с большинством участников группы, а также знал план заговора [Лавров П.Л., Заметка о Г.А. Лопатине, с. 10, Женева, 1888 г.]. Примечательно, что участники группы, с одной стороны, не воспринимали Лопатина иначе как балагура и повесу, однако именно он оказался единственным человеком, способным минимизировать негативные последствия для арестованных - уничтожить сохранившиеся переписки и прокламаций, с чем с успехом справился.

Отметим также, что одновременно с описанными событиями, Герман Александрович завершал работу над диссертацией по теме самопроизвольного зарождения жизни, которую блестяще защитил также в 1866 году, после чего получил приглашение остаться в университете на научной работе.

В 1867 году, после прочтения в утренней газете статьи о походе Джузеппе Гарибальди на Рим, тем же вечером Лопатин отправился в Италию, но прибыл во Флоренцию как раз в день битвы при Ментане [Герман Александрович Лопатин. Автобиография... Петроград,

1922 г., с. 9]. На долгие годы Лопатин сохранит теплое отношение к итальянским революционерам, через много лет, в 1880-е, он будет называть молодых народников на итальянский манер, а этническому итальянцу Росси даст прозвище «гарибальдинец». Поражение Гарибальди делало путешествие в Италию Лопатина бессмысленным, но Герман Александрович использовал данный случай для посещения Ниццы и знакомства с А.И. Герценом.

В 1868 году, после возвращения из Италии, Герман Александрович знакомится с Феликсом Волховским, который в будущем станет видным деятелем народнического движения. Рассуждая о методах ведения борьбы за блага и свободы народа, Волховский и Лопатин сошлись во мнении, что теоретическая база слишком слаба и далека от реального положения дел, «молодые энтузиасты слишком мало знали тот народ, который занимал главное место в их планах переустройства русской жизни» [Герман Александрович Лопатин. Автобиография... Петроград, 1922 г., с. 27]. Данные рассуждения привели к созданию «Рублевого общества» - организации странствующих учителей, в задачи которой входило изучение быта и нравов крестьян, сбор статистических данных, обучение крестьянских детей и беседы со взрослым населением. Важной чертой деятельности «Рублевого общества» была ее легальность. Единственным нелегальным пунктом в программе было изучение настроений народа по отношению к различной антиправительственной агитации.

Название же общество получило по размеру ежемесячного взноса – 1 рубль, который уплачивали участники, собранные средства шли на поддержку учителей, работающих в народе и издание литературы. «Рублево общество» по своим целям и методам работы было очень близко возникшим в семидесятых годах Чайковцам, а странствующие учителя стали предтечей хождения в народ. Дело «Рублевого общества» не было доведено до суда, в том числе благодаря обширным и правдивым показаниям, которые были Лопатиным и Волховским. В своих показаниях Герман Александрович не заискивал перед сотрудниками III Отделения и Следственной Комиссии, а довольно откровенно объяснял мотивы, приведшие к созданию общества:

- «1) Первоначальное образование народа находится в руках лиц, в высшей степени невежественных не подготовленных к такому делу, каковы: церковный причт, волостные писаря, отставные солдаты....
- 2) Вследствие такого подбора педагогов обучение производится по допотопным методам, искажающим и насилующим умственные способности детей, требующим для получения успеха слишком продолжительного по времени курса, делающими учение для детей трудным, изнурительным и внушающим непреодолимое отвращение...

...4) Всякого рода учебники и пособия, изданные до сих пор для сельских школ, представляют самое прискорбное зрелище: это суть или плоды самого жалкого тупоумия и невежества, или плоды самой бесстыдной и наглой спекуляции; они не содержат в себе ничего, что было бы сколь-нибудь полезно или хотя бы отчасти применимо к жизни тех, для кого они предназначены. Сверх того, они написаны самым варварским и неудобопонятным языком.

5) Серьезные улучшения в системе народного образования никак нельзя ожидать при условиях со стороны одного только правительства: правительство покупает услуги частных лиц за деньги; а до тех пор, пока лица, служащие правительству, будут служить ему только за деньги, как мы это видим почти повсюду, до тех пор на места сельских учителей будет поступать только отброс, нигде более не годный, так как люди со способностями знаниями всегда будут пробиваться на места более выгодные и более видные» [Герман Александрович Лопатин. Автобиография... Петроград, 1922 г., с. 35-36].

На период разбирательства по делу «Рублевого общества» Лопатин был помещен в заключение на восемь месяцев. Итогом разбирательства для Феликса Волховского стало освобождение, Лопатин же был выслан под надзор отца в Ставрополь. Благодаря высокому положению отца, Г. Лопатин занял должность чиновника особых поручений при губернаторе. Здесь Лопатину удалось преобразовать местную библиотеку и провести вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского землевладения общинно-передельным по постановлениям сельских волостных сходов. Но по стране уже гремел процесс по «нечаевскому делу», найденное у одного из участников процесса письмо Лопатина стало поводом для его ареста.

Лопатин содержался на военной гауптвахте, с которой совершил побег и стал нелегалом. Один из своих побегов в беседе с М. Горьким Лопатин описал так:

«Бегу. Солдат нагоняет. Задохнулся. Остановился и кричу: сдаюсь. Солдат прикладывается и целится. Стреляет. Осечка, предохранительный пистон. Лезет в карман за настоящим и второпях роняет. Я успокоился. Хочет колоть. Кричу: не подходи. Оба боимся. Стараюсь выиграть время, потому что слышу топот подъезжающих. Идем. Но солдата не подпускаю. Он жалобно просит: «Ведь отвечать буду, позвольте»... — «Не позволю»... Окружили всадники. Дежурный жандарм хочет пристрелить, — забыл револьвер. Замахивается саблей, — хватаю за бороду. Побег не удался. Схватка с «Риском». Перевели в острог. Ввели во двор; кругом недавно выбеленные здания. Арестант, пробежавший мимо, подхватил

этот изумленный взгляд, и поет на бегу: «Забелели милого каменны палаты». Посадили. Передают подарок от «малой каторги»: платок с тремя булками. К чаю записка: «А ежели вздумаете бежать, то лучше через церковь, и у нас есть женское платье...» В конце концов выпустили и оставили под наблюдением на свободе» [Из дневника К. Пятницкого. Первая встреча Горького с Лопатиным ...].

Находясь на нелегальном положении, в 1870 году, Лопатин сумел организовать побег Петра Лаврова из ссылки в городе Кадников Вологодской губернии. Встретившись в Петербурге с дочерью Лаврова Марией Негрескул, Лопатин узнал о желании Петра Лавровича совершить побег, но различные второстепенные обстоятельства, как-то отсутствие денег, заграничного паспорта и так далее, постоянно мешали осуществлению плана. Лопатин действовал решительно и, как обычно для него, в одиночку. Он прибыл в Вологду под именем отставного штабс-капитана Скирмунта, далее проследовал к месту ссылки Лаврова – в Кадников. При первой же встрече Лопатин объявил Лаврову о своем намерении организовать пробег и получил согласие. План побега был прост – Лопатин подвязал щеки Лаврова платком, как будто у Лаврова болят зубы, усадил его в сани и наказал только мычать в ответ на вопросы, если таковые возникнут у случайных встречных. Уже при выезде из Кадникова путники спохватились, что не взяли с собой заготовленные матерью Лаврова пирожки. Лопатин остановил сани, бегом отправился за пирожками и после благополучно с ними вернулся. Безрассудство и готовность к авантюрам будут сопровождать Лопатина во всех его начинаниях. Своей задачей Лопатин видел доставку Лаврова в Петербург, что успешно и осуществил, выездом Лаврова за границу занимались уже его родственники.

Ряд описанных случаев подчеркивает волевой характер, способность и готовность к риску Лопатина, но этого было бы недостаточно для успешных побегов -еще Лопатина отличала прекрасная физическая форма, высокий рост и выдающаяся физическая сила. Однажды из-за грубости надзирателя в Иркутской тюрьме Лопатин ногой выбил дверь и поднял надзирателя за горло, в другой раз он с легкостью отбирает у часового ружье и выбрасывает его.

После организации успешного побега Лаврова, в 1870 году Г. Лопатин эмигрирует в Париж, становится членом Первого Интернационала, после переезжает в Швейцарию.

К моменту приезда в Швейцарию Лопатину было 25 лет, но он уже обладает авторитетом в революционных кругах. Одной из целей приезда Германа в Швейцарию было выяснение обстоятельств нечаевского дела (в результате розыска, по которому пострадал и сам Лопатин) непосредственно у лидера «Народной расправы» Сер-

гея Нечаева. В конце мая 1870 года в присутствии Огарева и Бакунина состоялась очная ставка между Лопатиным и Нечаевым, в ходе разговора Лопатин напрямую высказал Нечаеву обвинения в мистификации, подлоге, сознательном искажении фактов, а также шантаже, в том числе Бакунина. Разоблачение случилось, однако после Бакунин, несмотря на тяжелый удар, в письмах предлагает Нечаеву продолжение сотрудничества на новых условиях, поскольку считает его эффективным практиком. Но личная встреча в июле 1870 года заканчивается взаимными оскорблениями, требованием денег со стороны Нечаева и окончательным разрывом между ним и Бакуниным. Отметим, что участие Лопатина в разоблачении Нечаева во многом было основано на категорическом неприятии нечаевских методов борьбы, что Лопатиным не скрывалось еще в Петербурге.

Интересная особенность Лопатина – чутье на предателей и способность выводить их на чистую воду еще не раз послужат для очищения революционных рядов.

Зимой 1870 года Герман Лопатин отправляется в Россию для подготовки побега Николая Чернышевского из ссылки в Иркутске. Именно Чернышевский, по мнению Лопатина, мог и должен был стать лидером объединенной революционной эмиграции. Значительное влияние на формирование идеи побега оказало мнение Карла Маркса о Чернышевском как о великом мыслителе, которое Маркс высказал Лопатину [Герман Александрович Лопатин. Автобиография... Петроград, 1922 г., с. 71]. Однако план не сработал, и сам Лопатин оказался в трёхлетнем заключении в Иркутске, позже в Вилюйске, где неоднократно предпринимает попытки побега. В заключении Лопатин периодически содержался в общих камерах, посвящая свободное время помощи другим заключенным- составлял ходатайства и прошения.

В уже упомянутых выше зафиксированных беседах Лопатина и Горького, Герман Александрович рассказывал о лодочном побеге Ангарой с преодолением порогов, об аресте в Томске, где ему почти удалось выдать себя за доктора Ильина и даже укорить местного губернатора: «Из-за того, что в Иркутске бежал какой-то Лопатин, Вы станете задерживать каждого проезжего?» Губернатор соглашается, приказывает отпустить» [Из дневника К. Пятницкого. Первая встреча Горького с Лопатиным ...]. Задержавший Лопатина жандарм проявил завидное упорство и организовал опознание, после чего Герман Александрович был вынужден признать свое поражение – «Ну, что же делать! Сорвалось!» [Лавров П.Л., Заметка о Г.А. Лопатине, с. 27, Женева, 1888 г.].

Успешным оказался побег в 1873 году: находясь в здании суда, Лопатин выпрыгнул из окна, оседлал привязную рядом лошадь и ускакал на ней. Лопатин сумел не только уйти от преследования, укрыться и выжить в

тайге, но и добраться до Петербурга, откуда переехать в Париж. В Париже Лопатин жил по документам англичанина Барта, и именно эту фамилию получит родившийся в браке с Зинаидой Корали 1877 году его сын Бруно.

Лопатин продолжает участвовать в жизни российских революционных кругов, шесть раз нелегально посещает Россию, но в последний приезд его арестовывают и высылают в Ташкент. Позже, вспоминая два самых страшных случая из своей жизни, Герман Александрович вспомнит Ташкент:

«Сослали в Ташкент. Потребовали залог в 50 000 р., чтобы оставить на свободе. Деньги были внесены. Двинулись целым караваном: верблюды, скот. Останавливались у воды. При мне сын четырех лет. Его гувернантка Адель. Где вода — купал. Урочище — «Тысяча ключей». Известковые чашки. Колодцы в виде трубы с черной, но прозрачной водой. Обвязываю сына азиатским узлом и бросаю в колодец. Пошел вниз. Тяну веревку — слабо. Тяну еще — вся всплывает на поверхность: соскользнула с тела. Несколько секунд ужаса. Бросаюсь в колодец вниз головой. Глубже. Глубже. Еще. Под руками тельце. Дна еще нет. Как повернуться? Удалось. Выговор мальчику...» [Из дневника К. Пятницкого. Первая встреча Горького с Лопатиным ...].

Из ссылки Лопатин бежал в Лондон в 1883 году и в этом же году нелегально вернулся в Петербург. Возвращение в Россию во многом было вызвано необходимостью проведения расследования в отношении одного из руководителей оставшейся обескровленной организации «Народная воля» Сергея Дегаева. Поездку Лопатин, который никогда не был членом Исполнительного комитета Народной Воли, обсуждал с жившими в эмиграции Львом Тихомировым и Марией Ошаниной.

Отметим, что хотя идейно в данный период времени Герман Лопатин расходился с народниками — он был убежденным марксистом, он считал своим долгом приложить все усилия для объединения разрозненных оставшихся сил «Народной воли». Подозрения в адрес Дегаева подтвердились, Лопатин не только сумел разоблачить его, но и организовал убийство жандармского полковника Судейкина — главного организатора репрессий против социалистов.

Вторым случаем, который Лопатин назвал самым страшным в своей жизни, стал его арест в октябре 1884 г.: при себе у Лопатина были 12 листов папиросной бумаги, исписанные адресами, личными данными и прочей совершенно секретной информацией о деятельности организации. Уничтожить их Лопатин не успел, хотя и предпринял попытку. Процесс, получивший название «Процесс 21» или «Лопатинское дело» завершился в 1887 году смертным приговором Герману Лопатину, ко-

торый позже был заменен пожизненной каторгой. В заключительном слове на суде Лопатин обращался к своим товарищам: «Находясь на рубеже своей жизненной карьеры, я считаю своим нравственным долгом просить прощения у товарищей по суду и прежде всего у Добрускиной, а в лице их и у всей революционной партии, которой я ранее нанес неисчислимый вред своею неосторожностью. Это несчастье таким тяжелым камнем лежит на моей душе, что я предпочел бы лучше десять раз умереть, чем быть невольным виновником несчастья стольких лиц. Я говорю «невольным» потому, что все это случилось не только помимо моей воли, но и вопреки моим ожиданиям» [Антонов В.Ф., Герман Лопатин: Первая полная биография первого переводчика «Капитала», Изд. 2-е, - М.: Ленанд, 2019, с. 131].

В заключении в Шлиссельбургской крепости Герман Лопатин проведет 18 лет. Годы заключения прошли для Лопатина под гнетом чувства вины за гибель товарищей. Руководством тюрьмы он характеризовался как угрюмый, замкнутый и опасный преступник, который однажды выгнал жандарма из своего небольшого тюремного огорода.

К сожалению, моральное и физическое состояние не позволяли Герману Александровичу заниматься умственным, творческим трудом. За годы, проведенные в заключении, он выучил латинский и греческий языки, написал несколько стихотворений.

Лопатин был освобожден по амнистии в 1905 году, будучи к этому времени тяжелобольным человеком, он отошел от революционной деятельности, проживал в городе Вильно. В 1908 году вместе с Верой Фигнер и Петром Кропоткиным, Герман Лопатин стал судьей на «Третьем процессе» над Евно Азефом. Чутье вновь не подвело Лопатина — в предательстве Азефа он не сомневался. Увидев однажды Азефа на фотографии, Герман Александрович сказал: «Этот человек способен на любую подлость» [Бехлер С. Третьейский суд...].

В 1909 году Герман Лопатин посетил остров Капри, где пять дней прожил в гостях у Максима Горького, благодаря чему сохранились его рассказы о ссылках и побеге.

В 1913 году Лопатин переезжает в Петербург, где проживет до самой смерти в декабре 1918 года. Похоронен на Литераторских мостках.

Именем Германа Лопатина названы улицы в городах России, а также с 1969 года вручается премия в области журналистики имени Германа Лопатина.

Герман Лопатин, безусловно, является одним из виднейших членов революционного движения не только

России, но и Европы, однако складывается впечатление его некоторой отстранённости. Революционер-одиночка – он не привязывается ни к одному из кружков, не связывает себя обязательствами перед организацией, однако чувствует себя частью левой общности социалистов и солидарен с ней. Отчасти такая позиция понятна: неудачи Лопатина — это неудачи только Лопатина, так же, как и его успехи — это только его успехи. Подтверждением правильности выбранного им способа деятельности служит и то, что как только он стал частью организации, последовал провал и его, и соратников. Лопатин никогда не был до конца своим ни для русских марксистов, ни для народовольцев. Своим он был только для ближ-

него круга, но такому кругу можно позавидовать: Карл Маркс считал Лопатина лучшим переводчиком Капитала, прочил его в мужа своей дочери Тусси, с Фридрихом Энгельсом Лопатина связывала многолетняя дружба и сотрудничество, он запросто мог прожить в доме Генерала несколько месяцев, кроме того, профессионализм и литературное дарование Лопатина признавали Иван Тургенев, Лев Толстой, Максим Горький, Владимир Гиляровский посвятил Лопатину рассказ и так отзывался о нем: «В этом человеке твердая воля, неумная сила, постоянная готовность к действию и инициативе, высокий интеллект».

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.Ф., Герман Лопатин: Первая полная биография первого переводчика «Капитала», Изд. 2-е, - М.: Ленанд, 2019
2. Бехлер С. Третейский суд [Электронный ресурс] URL: <https://www.proza.ru/2010/01/31/1210> (дата обращения 08.01.2021 г.)
3. Герман Александрович Лопатин. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. под общ. ред. Шилова А.А., Государственное издательство Петроград, 1922 г., с. 71
4. Лавров П.Л., Заметка о Г.А. Лопатине [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/petr-lavrov/process-21-go-s-prilozheniem-biograficheskoy-zametki-o-g-a-lopatine/> (дата обращения 07.01.2021 г.)
5. Из дневника К. Пятницкого. Первая встреча Горького с Лопатиным [Электронный ресурс] URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/pervaya-vstrecha-gorkogo-s-lopatinym.htm> (дата обращения 07.01.2020 г.)

© Чувашева Виктория Владимировна (vchuvasheva1985@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

